

Евгения Кузнецова

## **Привилегия последнего слова**

**«Кроткая» на сцене Малого театра вышла в начале февраля 2022 г. Это был короткий отрезок исторического оптимизма, когда большинство полагало, что самое страшное – пандемия коронавируса – уже позади. Она как раз пошла на спад, в театр возвращались зрители, казалось – еще немного, и мы вернемся назад, к доковидной жизни, где все обстояло не так уж плохо. Сообразуясь с обретенным опытом, мы вот-вот шагнем вперед с уверенностью в себе и завтрашнем дне. Кто бы мог подумать, что все пережитое окажется лишь эпиграфом будущих исторических потрясений.**

...Этому человеку тоже казалось, что еще можно жить начерно, в полной уверенности, что завтра или послезавтра все поправится. Тогда и наступит то, что он полагает счастьем, – домик у моря, окруженный виноградниками, а рядом близкий человек. Все обстоит так хорошо, что мысленно он обустроивает будущее не только для себя, но и для тех, кто рядом. Герой «Кроткой» в исполнении Сергея Гармаша, поверяя алгеброй изобретенной им системы гармонию подлинных чувств и отношений, будет биться за свою мечту на протяжении всего спектакля. Он не победит... Хотя практически убедит себя, а главное, нас в зрительном зале, в своем праве на счастье.

Такая вот странная «Кроткая», сочиненная вслед за Ф.М. Достоевским четверью нашими современниками. Перечислю авторов постановки по алфавиту, чтобы не фантазировать, каков размер их персонального вклада в общий замысел, – Юрий Башмет, Кузьма Бодров, Сергей Гармаш и Виктор Крамер. Это, к тому же, музыкальный спектакль, в котором «Солисты Москвы» исполняют музыку Бодрова и становятся абсолютными соавторами происходящего на сцене.

Гармаш в интервью после премьеры признался, что грезил о своей «Кроткой» последние четыре года. А задумал постановку еще при жизни Галины Волчек, когда казалось, что в его актерской биографии существуют лишь одни театральные подмости – на Чистых прудах, в «Современнике». Волею судеб премьеру сыграли на Театральной площади, в Малом театре. Меняя географию, актер, к счастью, не потерял тех, кого увлек своей идеей.

Вся художественная парадигма спектакля рождена Виктором Крамером. Он – автор инсценировки, режиссер-постановщик и сценограф. Предложенное им решение пространства буквально живет вместе с героем. Вытянутые вверх почти до самых колосников три вертикальные плоскости действуют вместе с персонажем, то сжимая его внутренний мир почти до точки, то открывая всю глубину сцены, что открывает перспективу судьбы героя, пусть призрачную.

Вертикальные плоскости лишены прямых и острых углов: все края рваные. Тут нет никакой стройной геометрии, куски не стыкуются и не способны образовать стройную систему отношений с миром, рожденную сознанием главного героя. У каждой из фигурок две равноправные части: темная, цвета поблекшей мебели, – она сложена из множества ящичков, куда хозяин ломбарда прячет обрывки былого человеческого счастья, – и светлая, под слоновою кость, состоящая из фрагментов



«Кроткая». Малый театр. Сцена из спектакля. Фото Е. Люлюкина

крашенных дверей, с филенками и прочими положенными деталями. Как уже было сказано, эти вертикальные плоскости имеют колоссальную высоту, в несколько раз превышающую человеческий рост. Герой на их фоне – лишь маленький человек, пусть и поверивший в свою соразмерность с понятием «счастье».

В повести Достоевского присутствуют еще как минимум две героини – собственно Кроткая и Лукерья. Последняя в спектакле Крамера – антибытовом, но психологически крайне достоверном, – оказалась потеряна, за что большое спасибо инсценировщику. Да и Кроткой, по сути дела, нет. Ее роль играет кукла, которой управляют шесть начинающих актрис, студентов «Щепки» (Театрального училища им. М.С. Щепкина). Они постоянно находятся на сцене, но лишены прямого контакта с главным героем по принципу «персонаж – персонаж».

Вначале из разрозненных осколков маски они собирают облик Кроткой – такой, каким он проявляется в мучительном диалоге героя Гармаша с самим собой. Виртуозно работая внутри музыкальной партитуры, актрисы озвучивают обрывки фраз, возникающие в его воспоминаниях. Одной из них доверена главная мизансцена спектакля, но об этом позднее.

Не удалось спросить у Сергея Гармаша, видел ли он спектакль Льва Додина с Олегом Борисовым в главной роли. Поставленный в 1980 г. в БДТ, он был перенесен во МХАТ спустя пять лет. В ту эпоху для человека театра, серьезно относящегося к профессии, считалось недопустимым пропустить выдающуюся работу коллег. Но не только этические причины позволяют предположить, что вчерашний выпускник Школы-студии МХАТ Гармаш смотрел гениальную работу Борисова, и не раз. Герой Достоевского, созданный Гармашом и Крамером, вне всяких сомнений, рожден из традиции отечественного театра, предполагающей вполне определенную точку зрения на подобных персонажей. Олег Борисов играл абсолютное чудовище, отказывая ему даже в мизерном оправдании. Так же и актеры МДТ сегодня блистательно существуют в спектакле Додина «Карамазовы», мир которого населяют исключительно моральные упыри и вурдалаки. Но Гармаш со товарищи высказывается о другом. Если спрямить все углы, то суть их повествования – трагическое заблуждение героя.

Широта актерского диапазона Сергея Гармаша, нюансы и тонкости, которые он демонстрирует в этом спектакле, удивили и восхитили даже автора этих строк, которому в силу трудовой биографии посчастливилось в течение 25 лет наблюдать актера на очень близком расстоянии в его замечательных театральных работах. О кино, где часто ограничиваются типажом, здесь говорить не будем, хотя стоило бы вспомнить как минимум «Любовника» Валерия Тодоровского.

В спектакле «Карамазовы и ад», поставленном в середине 1990-х Валерием Фокиным в «Современнике», Гармаш всем актерским и человеческим нутром неистово защищал своего Митю. Тогда казалось, что градус его личной заинтересованности в оправдании персонажа зашкаливал. «Кроткая» показала, что подлинная актерская пассионарность не знает предела. Разница в одном, но существенная. Митю «защищал» молодой человек, еще не успевший понять, что ошибаться может кто угодно, даже ты сам. А своего сегодняшнего героя защищает мудрец, имеющий длинную биографию, успевший получить ожоги на жизненном пути и осознающий: каждый человек имеет право на то, чтобы его хотя бы выслушали. Будет ли после этого вынесен вердикт в его пользу – другой вопрос, но привилегия последнего слова есть у любого подсудимого.

Сергей Гармаш играет прежде всего мечтателя. Человека, вырвавшегося из кошмара драматической ошибки, случившейся с ним



«Кроткая». Малый театр. Ю. Башмет. Фото Е. Люлюкина

во время офицерской службы. Трусость обернулась личностным тупиком, дном. И единственным выходом из эмоционально лабильной ситуации оказалась созданная им Система – строго детерминированные правила жизни, следование которым позволит когда-нибудь, в далеком будущем, стать счастливым.

В придуманной им модели существуют свои точки опоры, в том числе – известный афоризм гетевского Мефистофеля, который представлял себя частью той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо. И вот эта выстроенная диалектика жизни, в финале которой фигурируют домик с виноградником и трогательная забота о ближних, внезапно нарушается возникшим живым чувством – жалостью, а потом и любовью к Кроткой. Но ужас прошлого не позволяет даже вообразить, что эмоциональное потрясение, так неожиданно вторгшееся в жизнь, может поколебать его спасительную Систему. Ведь Система и только она подарит в перспективе счастье с домиком.

Крамер с Гармашом, следуя за Достоевским, начинают повествование с трагического финала повести, а потом «разматывают» историю от ее начала. Ни домика, ни моря, ни виноградника явно не просматривается, поскольку мы уже знаем перспективу – ведь рядом лежит тело

покончившей с собой любимой женщины. Той, что была единственным настоящим счастьем, подаренным судьбой. Не опознанным вовремя счастьем. От возможности жить этих двоих отделял лишь один шаг, один жест – отказ от рабского подчинения надуманному, измышленному, искусственному конструкту.

В этой «Кроткой» трагическое осознание сути дарит герою право все-таки освободиться от своей мучительной боли. Всю финальную часть он проводит рядом с возлюбленной, которая распростерлась на ложе – подсвеченном «хрустальном» параллелепипеде, как у пушкинской мертвой царевны. Кукла, прикрытая разорванным белым платьем, лежит на боку с согнутыми коленками. Герой Гармаша, опершись спиной на ложе, сидит рядом и в этой мизансцене подходит к финалу своего последнего монолога. Он звучит одновременно как суровый приговор себе и как самооправдание. Герой достигает высшей точки – полного приятия неизбежности трагического конца. Тут рука куклы приходит в движение, тянется к любимому и гладит его, даруя прощение, покой, о котором писал другой великий русский писатель.

Практически весь спектакль звучит музыка в исполнении Камерно-го оркестра Юрия Башмета; она написана Кузьмой Бодровым специально для «Кроткой». Это не аккомпанемент, музыка здесь – полноценное действующее лицо. Иногда мелодия воплощает собой голос безмолвной Кроткой, порой становится собеседником героя, то есть его внутренним судьей, а в прочие моменты задает мощнейший эмоциональный контрапункт. Крайне значимо, что музыка создана крупным композитором-симфонистом XXI в., осмыслившим творчество Малера, Шостаковича, Шнитке. Дело тут не только в концептуальности – другой фактор важен для этой «Кроткой».

Спектакль появился на свет, когда стало понятно: жить в рамках придуманной схемы невозможно. Ни одна сочиненная тобой Система не в состоянии предсказать поведение даже одного конкретного близкого человека, хорошо тебе знакомого. Реальность мгновенно переворачивает все наши ментальные построения, и тогда все заканчивается трагедией.